

Пленник Мэйфера

Дэннил Свон

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дэннил Свон

Пленник Мэйфера

<https://litres.ru/73739457>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его первое письмо пришло глубокой ночью.

Он писал о жизни в позолоченной клетке. О самой настоящей тюрьме. Об одиночной камере, в которой он заточил свое собственное сердце в попытке оградить себя от боли и разочарования.

Она не знала, кто он. Просто ответила, как отвечала всем, кто находил в себе силы и смелость попросить о помощи. И попала в самое сердце.

Их анонимная переписка стала для него терапией. Для нее — откровением.

А потом он нашел ее. И побоялся открыть свое настоящее лицо, предпочитая прятаться под маской простого парня.

Они влюбились друг в друга без памяти. Целовались под дождем. Не могли насыщаться друг другом. Строили планы.

А потом тайна раскрылась...

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дэннил Свон

Пленник Мэйфера

Пролог

Кристофер Хартфорд был фантомом.

Не в мистическом смысле, конечно. Не призрак, блуждающий по коридорам собственного особняка, не тень, скользкая по мраморным ступеням офиса в час, когда нормальные люди уже давно разошлись по домам. Нет. Кристофер Хартфорд был из плоти и крови. Он совершенно точно дышал. Он ел. Он спал. Он исправно платил налоги и даже иногда болел.

Но в том, что касалось его присутствия в публичном поле, слово «фантом» подходило лучше всего.

Мало кто мог похвастаться тем, что знал его лично. Те же, кто утверждал обратное, на поверку оказывались обладателями не более чем набора разрозненных фактов, которые без труда можно было приписать каждому второму жителю Траттена — если не всей страны.

Он не терпел опозданий.

Никакого сахара в кофе. Только черный, крепкий, обжигающе-горький. Пять чашек в день — ни больше, ни меньше.

На его правом предплечье еще с университетских времен

красовалось изображение компаса.

И еще семь-восемь таких же бесполезных наблюдений.

Коллеги, партнеры и подчиненные пересказывали их друг другу, словно пытались собрать мозаику из осколков, но ни у кого не хватало терпения или воображения, чтобы разглядеть целое. Кристофер Хартфорд оставался для них набором привычек. Перечнем пунктов, который можно было выучить наизусть, как считалочку или стихотворение, и так же быстро забыть.

Потому что его круг общения уместился бы в одной комнате размером два на два.

Только родители, живущие в загородной резиденции, фамильном имении Хартфордов под Травленом, которых он навещал раз в две недели — ровно на два дня, как и предписывал его график. Младший брат, с которым он виделся чуть реже: раз в месяц, по субботам, за ужином в каком-нибудь дорогом, но неизменно максимально закрытом ресторане.

Пара партнеров, которые прошли проверку временем. С ними он обычно играл в гольф каждую третью субботу. И иногда в поло по средам. Сильно реже, чем в гольф.

Еще прислуга, конечно. Личный водитель. Горничная, появлявшаяся во вторник, четверг и воскресенье, чтобы наве­сти лоск в его огромном особняке. Повар, который следил за его рационом с дотошностью ученого: каждое утро на столе появлялся свежавыжатый сельдереевый сок, и все основные блюда непременно состояли из органических продуктов без

ГМО. Он лично отбирал лучшие ягоды, фрукты и овощи, отбраковывая все, что вызывало хоть малейшее сомнение.

И Ли.

Дворецкий. Был дворецким. Когда-то. Вышколенный, безупречный, говорящий только по делу. Но годы стерли эту формальность, превратив «мистера Ли» в просто Ли. Сейчас его скорее можно было назвать компаньоном. Самое близкое к другу в понимании такого человека, как Кристофер Хартфорд.

Иногда, по вечерам, они играли в покер. Или в бридж. Сидели в тишине гостиной, где единственным звуком был шелест карт и редкие реплики Ли: «Ваша ставка, сэр», «Я пас». Ли всегда проигрывал, но Кристофер делал вид, что не замечает поддавков. А Ли — что не замечает, как Кристофер делает вид

И этого было достаточно.

Или он заставлял себя верить, что достаточно.

А еще у Кристофера Хартфорда был график.

Не просто список дел, нет.

Скорее — свод заповедей, от которого он не позволял себе отступать ни на шаг. Потому что порядок был единственным, что держало его мир в равновесии. 5:30 — подъем. Гигиенические процедуры. Он брился каждый день, даже в выходные, даже когда не планировал выходить из дома.

6:00 — пробежка. Три километра по дорожкам парка на его участке. Он знал этот маршрут до каждой трещины в ас-

фальте, до каждого фонарного столба. Сколько шагов от калитки до старой липы. Где кочка, а где ухаб. Он бежал и считал. Каждый вдох. И каждый выдох.

6:45 — душ. Сначала горячий, потом контрастный. Вода обжигала, потом леденила, и где-то на границе между летом и зимой мозг наконец включался.

7:00 — завтрак. Каждое блюдо — шедевр. Совершенство, выверенное до грамма: баланс микро- и макронутриентов, калорийность, соотношение белков, жиров и углеводов.

7:30–7:55 — дорога в офис. Чаще — с водителем. Так Кристофер мог потратить эти двадцать пять минут на чтение отчетов, на просмотр графиков, на обзвон партнеров в Лондоне, Берлине и Париже. Британский акцент сменялся грассированным р, а потом переходил в набор бесконечных согласных. Но суть оставалась неизменной: цифры, контракты, сделки.

8:00–17:00 — рабочий день. Перерыв на обед — строго между тринадцатью ноль-ноль и тринадцатью сорока пятью. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Идеально откалиброванный механизм, в котором не было места случайностям.

17:30–17:55 — дорога домой. Маршрут, проложенный еще пять лет назад, когда он вернулся из Лондона. Никаких отклонений. Никаких спонтанных решений.

18:00–18:55 — бассейн. Полчаса плавания, пятнадцать минут на восстановление дыхания, десять — на душ.

19:00 — ужин. Снова органика. Снова просчет калорий.

Снова функциональность над излишеством.

21:00 — гигиенические процедуры. Отход ко сну.

С утра — по новой.

Он не считал это скукой. Он считал это порядком.

Порядок, дисциплина, предсказуемость — три кита, на которых основывалось всё его существование.

Это все, что имело значение. Порядок не предавал. Дисциплина не смотрела на тебя с таким выражением, от которого хотелось вымыть руки. Предсказуемость не видела в тебе только кошелек на ножках, наследника миллионов, удобную ступеньку на пути к чему-то большему. Он уяснил это наверняка. Еще в Лондоне. И больше не хотел повторения.

Было кое-что еще. То, что не вписывалось в стройные ряды его расписания, но существовало, как трещина в идеально отполированной поверхности.

Он курил.

Не эпизодически, не «по праздникам». Системно. Много.

Пять чашек кофе в день, контрастный душ, органическая еда — всё это было про контроль. А сигареты были про то, чтобы не сойти с ума от этого контроля. Он знал, что это иррационально. Знал, что вредно. Но в этом и заключался смысл — единственная вещь, которую он делал не для пользы, а просто потому, что хотел.

И еще кое-что...

Кристофера Хартфорда не существовало в цифровом пространстве.

Вот вообще.

Все цифровые следы — старые фотографии, случайные снимки на переговорах в ресторане, любительские видео, на которых он мелькал на заднем плане, — изымались в ту же секунду, как только попадали в сеть.

Над этим работала целая команда специалистов, нанятая им конкретно для этой цели. Потом, когда технологии шагнули вперед, — алгоритмы, которые сканировали интернет двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, находили и уничтожали любые упоминания или материалы, прежде чем они успевали разойтись.

Он был невидимкой.

Не каждый сотрудник его империи, Hartford Global, выросшей за пять лет от небольшого инвестиционного фонда до корпорации, мог похвастаться тем, что знает босса в лицо. Большинство видели только подпись внизу приказов, слышали голос на селекторных совещаниях — ровный, спокойный, безэмоциональный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.